

КАК УСТРОЕН МИР

НА РУИНАХ НЕОЛИБЕРАЛИЗМА ПОЧЕМУ К ВЛАСТИ ПРИХОДЯТ ФАШИСТЫ

ЭЛИТЫ СОВРЕМЕННОГО ЗАПАДА СОВЕРШИЛИ ЧУДОВИЩНУЮ МАНИПУЛЯЦИЮ: СНАЧАЛА ОНИ СДЕЛАЛИ ВСЕ, ЧТОБЫ ВЫЗВАТЬ ГНЕВ МАСС ОТ ЛИБЕРАЛЬНОГО РАЗЛОЖЕНИЯ, А ПОСЛЕ НАПРАВИЛИ ЭТОТ ГНЕВ В ИНУЮ СТОРОНУ — К РАЗЛОЖЕНИЮ ФАШИСТСКОМУ.

ВЕНДИ БРАУН

ВЕНДИ
БРАУН

POLIZEI

Венди Браун
На руинах неолиберализма.
Почему к власти
приходят фашисты
Серия «Как устроен мир»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74432546

На руинах неолиберализма. Почему к власти приходят фашисты:

Родина; Москва; 2026

ISBN 978-5-00269-461-7

Аннотация

Эта книга рассказывает о том, как в современной Европе возрождается фашизм. На сей раз он вырастает из разложения неолиберальной системы управления, господствовавшей на Западе с 1970-х. Эта система, стремившаяся и до этого уничтожить демократию, свести человека только к понятию «человеческого капитала», подавить политическое сознание и деполитизировать недовольство, – последние два десятилетия находится в жесточайшем кризисе, выход из которого её операторы видят в установлении тоталитарного правления.

Именно отсюда исходят мечты властей США и стран Европы о тотальном цифровом контроле, полном запрете оппозиции,

наращивании военной промышленности и сокращении расходов на медицину и образование. А главными архитекторами этой пугающей трансформации выступают Дональд Трамп и его команда.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Благодарности	6
Введение	10
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Венди Браун
На руинах неолиберализма.
Почему к власти
приходят фашисты

© Браун В., 2026

© Катайцева Э. С., перевод, 2026

© Нигматулин М. В., перевод, 2026

© ООО «Издательство Родина», 2026

Благодарности

Эта книга родилась из размышлений после ноябрьских выборов 2016 года в США. Ее апогеем стали лекции в Библиотеке Рене Веллека в Ирвине (2018), семинары Гаусса по критике в Принстоне и лекция имени Роберта С. Стивенса в Корнеллской школе права. На этот период у меня были запланированы другие исследования и работы, для которых я получил стипендию Саймона Гуггенхайма и исследовательскую стипендию Президента Калифорнийского университета в области гуманитарных наук. Я обратилась к вопросам и анализам, развитым на этих страницах, потому что поступить иначе казалось безответственным. Я глубоко признателен двум программам стипендий, поддержавшим этот проект, и учреждениям, принявшим лекции.

Фонд Фиделя Кастро позволил мне нанять двух прекрасных научных ассистентов – Уильяма Каллисона и Брайана Джаджа. Помимо их огромной помощи в исследованиях и подготовке рукописи, оба повлияли на мое мышление своим собственным. Глубокое знание Уильямом Каллисоном ордолибералов и тонкое понимание политической рациональности были особенно важны при разработке и переработке второй главы. Он уберег меня от нескольких промахов и был моим наставником в работе.

Помимо Брайана и Уилла, Джудит Батлер, Мишель Фезр,

Бонни Хониг, Стив Шиффрин, Квина Слободяна и Нельсон Теббе – каждый дал прекрасные советы по улучшению текста. Летний мастер-класс 2018 года в Люцерне позволил мне отточить некоторые идеи.

Венди Браун.

Венди Лохнер из Columbia University Press была поддер-

живающей, гибкой и профессиональной. Бад Байнак, невероятный литературный редактор, а также добрый и остроумный человек, – это подарок для авторов и их читателей.

Терминальная болезнь Сабы Махмуд сопровождала большую часть написания этой книги. Элен Моглен внезапно умерла, когда я ее завершала. Обе были дорогими друзьями. В обеих жил неукротимый пыл к красоте и возможностям этого мира и яростный гнев против его жестокостей, уловок и несправедливостей. Пусть их духи оживят наше будущее.

Введение

Этот дух тираннии, жаждущий повсюду быть и епископом, и банкиром.
– Джордж Элиот, «Мидлмарч»

К собственному удивлению, ультраправые силы приходят к власти в либеральных демократиях по всему миру. Каждые выборы приносят новый шок: неонацисты в германском парламенте, неофашисты в итальянском, Brexit, приведенный ксенофобией, раздуваемой бульварной прессой, рост белого национализма в Скандинавии, формирование авторитарных режимов в Турции и Восточной Европе и, конечно же, трампизм. Расистская, антиисламская и антисемитская ненависть и воинственность растут на улицах и в интернете, а вновь сплотившиеся крайне правые группы смело вырываются на публичный свет после многих лет, проведенных в основном в тени. Политики и политические победы ободряют крайне правые движения, которые, в свою очередь, становятся более изоощренными по мере того, как политтехнологи и эксперты по соцсетям шлифуют их послание. По мере того как число сторонников продолжает расти, центристы, мейнстримные неолибералы, либералы и левые в растерянности. Возмущение, морализаторство, сатира и тщетные надежды на то, что внутренние раздоры или скандалы в правом лагере приведут

к саморазрушению, гораздо более распространены, чем серьезные стратегии противостояния этим силам с помощью убедительных альтернатив. У нас даже возникают проблемы с названием – это авторитаризм, фашизм, популизм, нелиберальная демократия, недемократический либерализм, право-плутократия? Или что-то еще?

Неспособность предсказать, понять или эффективно оспорить эти события отчасти объясняется ослепляющими предположениями о непреходящих западных ценностях и институтах, особенно о прогрессе, Просвещении и либеральной демократии, а отчасти – непривычным сочетанием элементов в поднимающихся правых силах – любопытной комбинацией либертарианства, морализма, авторитаризма, национализма, ненависти к государству, христианского консерватизма и расизма. Эти новые силы соединяют знакомые элементы неолиберализма (расширение прав капитала, сдерживание труда, демонизация социального государства и политической сферы, атака на равенство, пропаганда свободы) с их кажущимися противоположностями (национализм, навязывание традиционной морали, популистский антиэлитизм и требования государственных решений экономических и социальных проблем). Они сочетают моральную праведность с почти праздничным аморальным и нецивилизованным поведением. Они одобряют власть, демонстрируя при этом беспрецедентную публичную социальную расторможенность и агрессию. Они неистовствуют против ре-

лятивизма, но также против науки и разума, отвергают основанные на доказательствах утверждения, рациональную аргументацию, достоверность и подотчетность. Они презируют политиков и политику, проявляя при этом свирепую волю к власти и политические амбиции. Где мы находимся?

Не было недостатка в попытках как экспертов, так и ученых ответить на этот вопрос. Сводный левый анализ, пределы которого вскоре станут ясны, звучит примерно так: в странах Глобального Севера неолиберальная экономическая политика опустошила сельские и пригородные регионы, лишив их достойных рабочих мест, пенсий, школ, услуг и инфраструктуры, поскольку социальные расходы сократились, а капитал устремился за дешевой рабочей силой и налоговыми гаванями Глобального Юга. Тем временем открывалась беспрецедентная культурная и религиозная пропасть. Модные, образованные, стройные, светские, мультикультурные, путешествующие по миру горожане строили иную моральную и культурную вселенную, нежели жители центральных регионов, чьи экономические трудности усугублялись постоянно растущим отчуждением от нравов тех, кто игнорировал, высмеивал или презирал их. Более чем обездоленные и разочарованные, белые христиане, живущие в сельской местности и пригородах, чувствовали себя отчужденными и униженными, оставленными позади и забытыми. Плюс к этому – укоренившийся расизм, усилившийся по мере того, как новые иммигранты меняли облик пригород-

ных районов, а политика «равенства и инклюзивности» казалась необразованному белому мужчине предпочтением всех остальных перед ним. Таким образом, либеральные политические программы, неолиберальные экономические программы и космополитические культурные повестки породили растущее чувство заброшенности, предательства и, в конечном счете, ярости у новых обездоленных – белого рабочего класса и среднего класса стран Первого и Второго мира. Если их темнокожие собратья по классу страдали от неолиберального уничтожения защищенных профсоюзами рабочих мест и общественных благ, сокращения возможностей, доступа к образованию и его качества ничуть не меньше, то чего черные и латиноамериканцы не испытывали, так это потери гордого места в Америке или на Западе.

Когда это явление только начало обретать форму, как гласит повествование, консервативные плутократы блестяще им манипулировали: обездоленных на каждом повороте бросали под экономический автобус, одновременно услаждая их политической симфонией христианских семейных ценностей вместе с гимнами белизне и их молодым, принесенным в жертву в бессмысленных и бесконечных войнах. Это и есть «в чем проблема Канзаса». Сочетание патриотизма как милитаризма, христианства, семьи, расистских «собачьих свистков» и необузданного капитализма было успешным рецептом консервативных неолибералов до кризиса финансового капитала 2008 года, который опустошил доходы,

пенсионные накопления и домовладения их белой рабочей и средней классовой базы. Даже экономисты начали бормотать, что ошибались относительно неограниченной дерегуляции, долгового финансирования и глобализации, и теперь потребовалась серьезная переориентация. Это означало крики об джихадистах, нелегальных иммигрантах, мифах о миграции и, прежде всего, демонизацию правительства и социального государства за экономическую катастрофу – лукавое перекладывание вины с Уолл-стрит на Вашингтон, потому что последний убирал беспорядок, спасая банки, в то время как простых людей бросали на произвол судьбы. Так родилась вторая волна реакции на неолиберализм, на этот раз более неукротимая, популистская и уродливая. Уже раздраженные присутствием элегантной черной семьи в Белом доме, недовольные белые также получали постоянную диету из комментариев правых от Fox News, ток-радио и соцсетей, окрашенную с флангов как смесь ранее изолированных движений – белых националистов, либертарианцев, антиправительственных и фашистских – которые связались друг с другом через интернет. Особенно с учетом повсеместного разочарования в затяжных войнах на Ближнем Востоке, милитаристского патриотизма и семейных ценностей стало недостаточно. Скорее, новый жесткий правый популизм истекал кровью непосредственно из раны низвергнутой привилегии, которую белизна, христианство и мужской пол давали тем, кто в ином случае был никем и ничем.

Фридрих фон Хайек.

Низвержение было достаточно легко списать на иммигрантов и меньшинства, «крадущих работу», а также на других, якобы недостойных, бенефициаров либеральной инклюзивности (что возмутительнее всего – тех, кто принадлежит к предположительно террористическим религиям и расам), к которым благоволят элиты и глобалисты. Таким образом, потери от неолиберальной экономической политики были мобилизованы образом самих этих потерь, отраженных в образе утраченной нации. Этот образ черпал из мифического прошлого, когда семьи были счастливы, целны и гетеросексуальны, когда женщины и расовые меньшинства знали свое место, когда районы были упорядоченными, безопасными и однородными, когда героин был проблемой черных, а терроризм не проникал на родину, и когда гегемонистские христианство и белизна составляли явную идентичность, власть и гордость нации и Запада. Против вторжений других народов, идей, законов, культур и религий этот сказочный мир и обещали защитить и восстановить правые популистские лидеры. Предвыборные лозунги говорят сами за себя: «Сделаем Америку снова великой» (Трамп), «Франция для французов» (Ле Пен и «Национальный фронт»), «Вернем контроль» (Brexit), «Наша культура, наш дом, наша Германия» («Альтернатива для Германии»), «Чистая Польша, белая Польша» (партия «Право и справедливость» Польши), «Сохраним Швецию шведской» («Шведские демократы»).

Эти лозунги и выраженный ими дух обиды связали до того разрозненные расистские маргинальные группы, правых католиков и христиан-евангелистов, а также просто разочарованных белых жителей пригородов, выпадающих из среднего и рабочего класса. Усиливающаяся изоляция в медиапотребление, от кабельного телевидения до соцсетей, укрепила эти связи и расширила пропасть между жителями центральных регионов и образованными, городскими и утонченными, смешанными в расовом отношении, феминистскими и менее религиозными. В то же время неумолимое обесценивание неденежных форм существования неолиберализмом, таких как знание и осмысленность мира, совпало с приватизацией, отрезающей доступ к высшему образованию для многих. Поколение, отвернувшееся от гуманитарного образования, также было настроено против него.

Акценты в этой истории разнятся. Иногда они делаются на неолиберальной политике, иногда на предполагаемой поглощенности левых-либералов мультикультурализмом и политикой идентичности, иногда на возросшей политической важности и силе евангелистов и христианских националистов, иногда на растущей уязвимости необразованного населения перед ложью и теориями заговора, иногда на экзистенциальной потребности в горизонтах и внутренней непривлекательности глобалистского мировоззрения для всех, кроме элит, а иногда на укоренившемся расизме старого белого рабочего класса или новом расизме, к которому примыкают

более молодые необразованные белые. Некоторые подчеркивают роль мощных правых аналитических центров и политических денег. Другие – новые/старые «трайбализмы», возникающие из-за распада национальных государств или ранее более (расово или религиозно) однородных регионов. Однако почти все сходятся в том, что неолиберальное усиление неравенства внутри Глобального Севера было пороховой бочкой, а массовая миграция с Юга на Север – спичкой, поднесенной к огню.

Своими различными интонациями это стало общим местом левых после политического землетрясения в ноябре 2016 года. Этот нарратив не ошибочен, но, как я буду утверждать, неполон. Он не учитывает силы, переопределившие радикально антидемократическую форму бунта, и поэтому склонен сравнивать его с фашизмами прошлого. Он не рассматривает демонизированный статус социального и политического в неолиберальной системе управления, ни валоризацию традиционной морали и рынков на их месте. Он не признает, что распад общества и дискредитация общественного блага неолиберальным разумом подготовили почву для так называемых «трайбализмов», возникающих в качестве идентичностей и политических сил в последние годы. Он не объясняет, как атака на равенство в сочетании с мобилизацией традиционных ценностей могла разжечь и легитимировать давно тлеющие расизмы, унаследованные от колониального и рабовладельческого прошлого (то, что Нихил Син-

гх называет нашими «внутренними и внешними войнами»), или характер мужского доминирования, никогда не сдающегося без боя. Он не регистрирует усиливающийся нигилизм, который оспаривает истину и превращает традиционную мораль в оружие политической борьбы. Он не определяет, как атаки на конституционную демократию, на расовое и межполовое равенство, на государственное образование и на гражданскую, ненасильственную публичную сферу осуществлялись во имя одновременно свободы и морали. Он не постигает, как неолиберальная рациональность радикально дезориентировала левых, создавая обыденный дискурс, в котором социальная справедливость одновременно тривиализируется и монстеризируется как «политическая корректность» или характеризуется как левая грамшианская культурная борьба, направленная на свержение свободы и морали и обеспечиваемая кощунственным этатизмом.

Эта книга рассматривает эти вопросы, теоретизируя о том, как неолиберальная рациональность подготовила почву для мобилизации и легитимации свирепых антидемократических сил во втором десятилетии XXI века. Аргумент не в том, что неолиберализм сам по себе вызвал жесткое правое восстание на Западе сегодня, или что каждое измерение настоящего, от катастроф, порождающих огромные потоки беженцев в Европу и Северную Америку, до политической изоляции и поляризации, порожденных цифровыми медиа, можно свести к неолиберализму. Скорее, аргумент заклю-

чается в том, что ничто не осталось незатронутым неолиберальным способом мышления и оценки, и что атака неолиберализма на демократию повсеместно влияла на право, политическую культуру и политическую субъективность. Понимание корней и энергий нынешней ситуации требует признания неолиберальной политической культуры и производства субъекта, а не только экономических условий и укоренившихся расизмов, которые ее породили. Это означает признание подъема авторитарных политических образований белых националистов как одушевленных мобилизованным гневом экономически заброшенных и расово обиженных, но как сформированных более чем тремя десятилетиями неолиберальных атак на демократию, равенство и общество. Экономические страдания и расовая озлобленность белого рабочего и среднего класса, далекие от того, чтобы быть отличными от этих атак, обретают голос и форму благодаря им. Эти атаки также подпитывают (хотя и не являются единственной причиной) амбиции христианских националистов (вновь) завоевать Запад. Они также смешиваются с усиливающимся нигилизмом, проявляющимся как утрата веры в истину, фактичность и основополагающие ценности.

Чтобы выдвинуть эти аргументы, книга «Среди руин» возвращается к избранным аспектам мышления тех, кто собрался в Общество Мон-Пелерин в 1947 году, принял название «неолиберализм» и предложил исходную схему того, что Мишель Фуко назовет драматическим «перепрограмми-

рованием либерализма», известным нам сегодня как неолиберализм.

Напротив, народный энтузиазм по отношению к авторитарным, националистическим, а в некоторых случаях неонацистским режимам, подпитываемый мифотворчеством и демагогией, так же радикально отличается от неолиберальных идеалов, как репрессивные государственно-коммунистические режимы отличались от идеалов Маркса и других социалистических интеллектуалов, даже если в каждом случае деформированное растение выросло из почвы, удобренной этими идеями. Выкованный в горниле европейского фашизма, неолиберализм был направлен на перманентную прививку рыночных либеральных порядков против возрождения фашистских настроений и тоталитарных властей. Стремясь отделить политику от рынков, первоначальные неолибералы возненавидели бы как кронистский капитализм, так и международную олигархическую власть, порожденную финансами, которая сегодня дергает за веревочки государств. Стремясь убрать политику с рынков и концентрированные экономические интересы из процесса принятия политических решений, они сокрушались бы из-за манипулирования государственной политикой со стороны крупных отраслей промышленности и секторов капитала и также ненавидели бы политизацию предпринимательства. Более всего они опасались политических мобилизаций невежественного, возбужденного гражданства и рассчитывали на

рыночную и моральную дисциплину и строго ограниченную демократию, чтобы его умиротворить и сдержать. Они были бы в ужасе от современного феномена лидеров, одновременно авторитарных и безрассудных, приходящих к власти на этой волне. Короче говоря, хотя в книге будет утверждаться, что созвездие принципов, политик, практик и форм управленческого разума, которые можно собрать под знаком неолиберализма, существенно сформировало катастрофическое настоящее, это не было запланированным порождением неолиберализма, а его франкенштейновским творением. Постигание того, как это творение возникло, требует изучения имманентных провалов и изъянов неолиберальных принципов и политики, а также их смешения с другими силами и энергиями, включая энергию расизма, нигилизма, фатализма и ресентимента.

Если эта книга и не утверждает, что неолиберализм целенаправленно стремился к нынешнему сочетанию принципов, политик, практик и форм рациональности, то она также не утверждает, что фашизм 1930-х годов «возвращается», или что западная цивилизация, в ином случае находящаяся на пути прогресса, переживает период регресса. Скорее, она теоретизирует нынешнее образование как относительно новое, отличающееся от авторитаризмов, фашизмов, деспотий или тираний других времен и мест, а также отличающееся от обычного или известного консерватизма. Таким образом, она отвергает язык, который большая часть левых исполь-

зует для порицания правых, а также большую часть языка, которым правые описывают самих себя. Особое внимание уделяется тому, как неолиберальные трактовки свободы одушевляют и легитимируют жестких правых, и как правые мобилизуют дискурс свободы для своих порой насильственных исключений и атак, для восстановления господства белых, мужчин и христиан, а не только для укрепления власти капитала. Также рассматривается вопрос о том, как эта трактовка свободы изображает левых, включая умеренных или либеральных левых, как тиранических или даже «фашистских» в их заботе о социальной справедливости, и одновременно как ответственных за распад моральных устоев, незащищенные границы и раздачу благ недостойным.

Проект книги «Среди руин» требует выхода за рамки и даже пересмотра аргументов моей предыдущей работы о неолиберализме и демократии «Undoing the Demos: Neoliberalism's Stealth Revolution», где моя характеристика мирозозидающей рациональности неолиберализма была сосредоточена исключительно на его стремлении экономизировать все аспекты существования, от демократических институтов до субъективности. Он также требует пересмотра аргументов более раннего эссе «Американский кошмар», где я анализировала неолиберальную и неоконсервативную рациональности как различные по происхождению и характеристикам. Оба подхода не смогли ухватить ключевые черты тэтчеровско-рейгановской неолиберальной революции, чер-

ты, которые черпали свои ориентиры из того, что Филип Миrowsки назвал Неолиберальным интеллектуальным коллективом, а Дэниел Седман Джонс описал как «своего рода неолиберальный интернационал» – трансатлантическую сеть ученых, бизнесменов, журналистов и активистов. Эта революция была направлена на то, чтобы освободить рынки и мораль для управления и дисциплинирования индивидов при максимальной свободе, и делала это путем демонизации социального и демократической версии политической жизни. Неолиберальный разум, особенно в формулировке Фридриха Хайека, представляет рынки и мораль как единственные формы обеспечения человеческих потребностей, разделяющие онтологические принципы и динамику. Укорененные в свободе и порождающие спонтанный порядок и эволюцию, их радикальными противоположностями являются любые виды целенаправленной и управляемой государством социальной политики, планирования и справедливости.

То, что рынки играют эту роль в неолиберализме, – общее место; не так обстоит дело с традиционной моралью, хотя последняя занимает видное место в учредительном заявлении Общества Мон-Пелерин. Роль семьи в американской неолиберальной революции – предмет насыщенной книги Мелинды Купер 2016 года «Семейные ценности», которая показывает, что восстановление патриархальных семейных норм – не побочное явление, а глубоко укорененное в неолиберальных реформах системы социального обеспечения и

образования. Купер исследует и связывает ряд областей политики, в которых традиционная семья прямо привлекалась для замены множества аспектов социального государства. По ее рассказу, рыночная приватизация социального обеспечения, здравоохранения и высшего образования предполагала «возложение ответственности» на отдельных мужчин, а не на государство, за подростковые беременности; на родителей, а не на государство, за расходы на высшее образование; и на семьи, а не на государство, за обеспечение всех видов ухода за иждивенцами – детьми, инвалидами, пожилыми.

Книга Купер блестяща. Однако только через возврат к основополагающим неолиберальным идеям и, в частности, к Хайеку, можно выявить архитектуру разума, связывающую традиционную мораль с неолиберализмом и оживляющую правые кампании сегодня. Эти кампании представляют как атаки и на свободу, и на мораль любую социальную политику, которая бросает вызов социальному воспроизводству расовых и половых иерархий или скромно исправляет классовые крайности. Для Хайека рынки и мораль вместе являются основой свободы, порядка и развития цивилизации. И то, и другое организуется спонтанно и передается через традицию, а не через политическую власть. Рынки могут выполнять свою работу только если государствам не дают посягать на них или вмешиваться в них. Традиционная мораль может выполнять свою работу только тогда, когда государства

аналогичным образом сдерживаются от вмешательства в эту сферу, и когда расширение того, что Хайек называет «личной, защищенной сферой», дает морали больше власти, свободы действий и легитимности, чем рациональные, светские социальные демократии обычно разрешают. Таким образом, больше чем проект расширения сферы рыночной конкуренции и оценки («экономизация всего», как я утверждала в «Undoing the Demos»), хайтековский неолиберализм – это морально-политический проект, который стремится защитить традиционные иерархии путем отрицания самой идеи социального и радикального ограничения охвата демократической политической власти в национальных государствах.

Современная атака на общество и социальную справедливость во имя рыночной свободы и морального консерватизма является, таким образом, прямым порождением неолиберальной рациональности, едва ли ограниченной так называемыми «консерваторами». Если реформа системы социального обеспечения при Клинтоне – самый очевидный пример «прогрессивного неолиберализма», то она также определила и кампанию за равенство брака, которая строила свой аргумент на двойной основе морально-религиозной уникальности брака и экономической уникальности семей в обеспечении здоровья, образования, благосостояния и межпоколенческой передачи богатства. Однако консервативные силы делают более прямые призывы к традиционной морали и поучениям о свободном рынке, облекая эту пару в патриотизм,

нативизм и христианство. В Соединенных Штатах большинство в Верховном суде способствовало этим призывам потоком решений, отменяющих ограничения на производство и торговлю, отменяющих антидискриминационные законы и расширяющих значение и охват религиозной свободы.

Мюссе́й Помба́рд.

В основополагающих текстах об этом редко упоминалось, но доминирование белых и мужчин легко вписывается в неолиберальный проект рынков и морали. С одной стороны, дерегулированные рынки скорее воспроизводят, чем смягчают исторически сложившиеся социальные власти и стратификацию. Расовое и межполовое разделение труда встроено в них: например, женский домашний труд не оплачивается, а его крайне низкооплачиваемая рыночная версия (уход за детьми, уборка домов, домашний уход за здоровьем, работа на кухне) непропорционально ложится на небелых и иммигрантов. Глубокое неравенство как в государственном, так и в частном образовании (от детского сада до аспирантуры) усугубляет эту стратификацию, как и культуры класса, расы и пола, структурирующие практики найма, продвижения по службе и успеха. С другой стороны, традиционная мораль служит для отражения вызовов неравенству, например, для защиты репродуктивной свободы женщин или демонтажа общественной иконографии, прославляющей рабовладельческое прошлое. Традиционная мораль также связывает сохранение прошлого с патриотизмом, представляя последний не просто как любовь к стране, а как любовь к тому, как все было раньше, что заклеило возражения против расовой и межполовой несправедливости как непатриотичные. Отсюда и осуждение протестов Колина Кеперника «встать на колено» против расовой полицейской жестокости

как неуважения к американским войскам. Кеперник никогда не упоминал войска и никогда не направлял свой протест против американских военных действий. Однако нечто большее, чем метонимия, связывает государственный гимн, футбол и армию; даже больше, чем расистские увещевания черным спортсменам, что их работа – играть и танцевать для белых, а не претендовать на место за столом с ними. Логика, представляющая его протест как непатриотичный, организована образом нации как совокупности традиций, защищенных от критики, включая традиции полицейской деятельности и расизма. Армия, отождествляемая с «защитой нашего образа жизни», даже или, возможно, особенно когда ведет войны с ограниченной поддержкой, – самый яркий символ этого образа.

Подъем антидемократической политики

Возможно, противникам социальной демократии стоит приветствовать ее за ее консервативные эффекты. Социальная демократия вносит в общество в целом и в политическую систему вклад, который служит смягчению потенциального радикализма политической демократии. Все вносят вклад, все получают выгоду, и у всех есть доля. Содействуя развитию государственного образования, социального обеспечения и расширенного

здравоохранения, социальная демократия помогает смягчать раскол, вызванный богатством, расой, этнической принадлежностью и другими потенциально взрывоопасными идентичностями. Она способствует общности разделяемых вкладов и выгод, которая поощряет умеренную, а не яростную форму правления большинства.

– Шелдон Волин, «Беглая демократия и другие эссе»

Книга «Среди руин» утверждает, что подъем антидемократической политики был продвинут через атаки на общество, понимаемое как нечто переживаемое и поддерживаемое сообща, а также на легитимность и практику демократической политической жизни. Первая глава начинается это повествование о неолиберальном проекте «рынки и мораль», исследуя неолиберальную критику общества и цель демонтировать его. Вторая глава рассматривает атаку на демократию, понимаемую как народный суверенитет и разделяемая политическая власть. Третья глава описывает неолиберальный проект расширения сферы влияния традиционной морали за пределы семьи и частного богослужения в публичную и коммерческую жизнь. В Соединенных Штатах это расширение получило мощную поддержку Верховного суда, и четвертая глава рассматривает два недавних решения суда в этом свете. Пятая глава исследует переплетение неолиберального проекта «рынки и мораль» с нигилизмом, фатализмом и уязвленным превосходством белых мужчин.

Пятая глава также развивает лейтмотив, проходящий через другие: как я уже отмечала, неолиберализм привел к последствиям, весьма отличным от тех, что представляли и к которым стремились его архитекторы. Причин этому несколько. Во-первых, в неолиберальном разуме присутствует своего рода возвращение вытесненного – яростное извержение социальных и политических сил, которым неолибералы одновременно противостояли, недооценивали и деформировали своим проектом дедемократизации. Это означает, что реально существующий неолиберализм теперь характеризуется тем, что Шелдон Волин называет «яростной» формой правления большинства (часто называемой экспертами «популизмом»), возникающей из общества, которое неолибералы стремились дезинтегрировать, но не смогли победить, и таким образом оставили без общих гражданских норм или обязательств. Во-вторых, случайное развязывание неолиберализмом финансового сектора и пути, которыми финансиализация глубоко подорвала неолиберальные мечты о конкурентом глобальном порядке, за которым бы следили наднациональные институты, с одной стороны, и который бы обеспечивался государствами, полностью автономными от экономических интересов и манипуляций, с другой. В-третьих, это пути, которыми рынки и мораль исказились, будучи подчинены грамматике и духу друг друга – то есть, когда мораль была коммерциализирована, а рынки морализированы. В этом процессе и то, и другое стало политизиро-

ваться как боевые доктрины, теряя тем самым «органичный, спонтанный» характер и способ организации поведения, за которые Хайек и его коллеги их ценили. Наконец, неолиберализм усилил нигилизм, фатализм и озлобленный ресентимент, уже присутствовавшие в поздней современной культуре. Вместе эти процессы и эффекты породили нечто радикально отличное от неолиберальной утопии неравноправного либерального порядка, в котором индивиды и семьи были бы политически умиротворены рынками и моралью и поддерживались автономным авторитетным, но деполитизированным государством. Вместо этого неолиберализм породил чудовище, которое его основатели возненавидели бы.

Неолиберализм – что это?

Мне следует завершить это введение кратким рассмотрением того, как термин «неолиберализм» используется в данной работе. Неолиберализм не имеет устоявшегося определения, и сейчас существует значительная академическая литература, спорящая о его конститутивных характеристиках. Некоторые зашли так далеко, что предположили, что его аморфный, изменчивый и оспариваемый характер ставит под сомнение само его существование. Однако, как и в случае с другими преобразующими мир образованиями, включая капитализм, социализм, либерализм, феодализм, христианство, ислам и фашизм, продолжающиеся интеллекту-

альные споры об их базовых принципах, элементах, единстве, логиках и динамиках не отменяют их миросозидающей силы. Неолиберализм – идеи, институты, политики, политическая рациональность – наряду со своим порождением, финансиализацией, вероятно, сформировал недавнюю мировую историю так же глубоко, как и любой другой именуемый феномен того же периода, даже если ученые продолжают дебаты о точной сущности обоих.

Термин «неолиберализм» был придуман на коллоквиуме Уолтера Липпмана 1938 года, собрании ученых, заложивших политико-интеллектуальные основы для того, что сформировалось как Общество Мон-Пелерин десятилетием позже. Неолиберализм чаще всего ассоциируется с набором политик, приватизирующих государственную собственность и услуги, радикально сокращающих социальное государство, сдерживающих труд, дерегулирующих капитал и создающих благоприятный для налогов и тарифов климат для привлечения иностранных инвесторов. Именно эти политики были навязаны Чили Аугусто Пиночетом и его советниками, «чикагскими мальчиками», в 1973 году и вскоре перенесены в другие регионы Глобального Юга, часто навязываемые Международным валютным фондом как мандаты «структурной перестройки», связанные с заимствованиями и реструктуризацией долга. То, что началось в Южном полушарии, вскоре перекочевало на север, даже если исполнительные силы революций были довольно разными. К концу 1970-х, исполь-

зую кризис рентабельности и стагфляцию, неолиберальные программы были развернуты Маргарет Тэтчер и Рональдом Рейганом, вновь сосредоточившись на дерегулировании капитала, разгроме организованного труда, приватизации общественных благ и услуг, сокращении прогрессивного налогообложения и урезании социального государства. Политики быстро распространились по Западной Европе, а распад советского блока в конце 1980-х означал, что большая часть Восточной Европы перешла от государственного коммунизма к неолиберальному капитализму менее чем за полдесятилетия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.